

ХРИСТИАНСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.М. Коцаренко

The article analyzes semantic changes in the meaning of German lexical units, caused, on the one hand, by external factors - conversion of the ancient Germanic people into Christianity, on the other hand, by internal factors, connected with the semantic structure of these language units.

От поколения к поколению язык передает накопленные человеком знания, проносит через тысячелетия свои достоверные свидетельства и выступает, таким образом, с одной стороны, средством коммуникации, ведущей к сближению и взаимопониманию различных народов и наций, а с другой - через свой словарный состав единственным доказательным хранителем исторических фактов. Именно слова являются хранителем информации (знания) о социально-историческом опыте носителей языка. В них отражается духовный и психический склад того или иного народа, накопленный на протяжении всех общественно-экономических формаций. Знание истории становления лексики полезно тем, что она помогает нам определить мир знаний, ощущений, представлений, понятий человека о действительности, а также проследить имевшие место на протяжении всей истории человечества процессы глобальной интеграции.

В нашем исследовании обратимся к очень древнему, но при этом открытому и развивающемуся слою лексики с фабулой-понятием «человеческая жизнь» и «прекращение жизни человека», в котором закрепился социальный и культурный опыт человека на определенных этапах его развития. Обращаясь к историческим фактам языка, сразу же отметим, что древний словарный фонд характеризуется преимущественно конкретной лексикой с широким использованием лексических синонимов и недостаточной лексической абстракцией – отсутствием обобщающего родового слова при наличии ряда слов с более конкретным видовым значением. В то же время развитие языка шло от автосемантии к синсемантии. Подтверждением тому являются хотя бы такие факты, как преобладание в словарном фонде германских языков слов с конкретным значением, утрата в дальнейшем развитии местного, отложительного, винительного места и творительного падежей вследствие развития предлогов и глагольных приставок из наречий места [1, с. 209-210, 302].

Многосторонний анализ данной лексики, в диахронии и синхронии, позволяет автономно рассмотреть как семантику, так и процесс её образования и становления. Слой лексики с фабулой-понятием «человеческая жизнь» и «прекращение жизни человека» обнаруживает древнейшие корнесловы и представляет собой открытую частную подсистему, являющуюся результатом языкового выражения действительности. История формирования этой лексики подтверждает изначальную связь служивших ранее для пространственного определения значения глаголов наречий места с приставочной частью глаголов-конституентов анализируемой области слов немецкого языка. С другой стороны, генезис этой лексики свидетельствует о том, что в глубокой древности на смерть люди смотрели с позиции жизни, и поэтому вся лексика, производная от древнейших корнесловов, характеризуется двумя моментами: во-первых, она связана с жизнью человека, и, во-вторых, она содержит большей частью религиозное представление о смерти. Таким образом, речь пойдет о частном случае эволюционного процесса развития немецкого языка – расширении содержательного и аспектуального значения глагола за счет отмирания наречий места и превращения их в глагольные приставки на примере отдельного слоя лексики с фабулой-понятием «человеческая жизнь» и «прекращение жизни человека»

Каким же конкретно был взгляд древнего человека на жизнь? Прежде всего, следует отметить, что в древности любое передвижение человека по свету ассоциировалось с понятием жизни. „Жить“ означало „ходить“, „бродить“, „скитаться“, „странствовать“ (в пространстве, по жизни, по свету). В германских языках этому представлению, вернее его выражению в языке, служили общегерманские глаголы движения *gehen, fahren, kommen* – соответственно в готском языке *gangan, faran, qīaman* (восходящий к общеевропейскому корню *g^{em}); в древневерхненемецком *gān, faran, qīeman, kōman*; в средневерхненемецком *gēn, varn, kōmen*. Примеры, подтверждающие употребление древневерхненемецких глаголов *gān, faran, qīeman* в значении „жить“, „идти определенным путем“, „вести ... образ жизни“ мы находим у Отфрида в его поэтических описаниях жизни Иисуса Христа: *“thas fuarin sie einluzze unter uuoroltmannon zi suslichen thingon – “И живут они одиноко среди людей (Otfried von Weissenburg, III,14,97); “so sela unde lichamo zesamine choment unde sament uuonent” – “Так душа и тело появляются (рождаются) вместе и вместе живут (Otfried von Weissenburg, I,199,22); и у Ноткера в переводах Библии: “lere mih diniu uuergheht, lere mih gan dine uuega” – “Научи меня твоим заповедям, научи идти твоим путем” (Notker, II,507,15); “chundo mir den uuieg... an demo ih sule gan” – “Укажи мне путь, каким я должен идти” (Notker, II,588,19).*

Широкая лексическая сочетаемость этих древних глаголов с наречиями места давала им возможность, во-первых, конкретизировать направление движения и изменять тем самым их видовые характеристики, в частности, придавать значение предельности. Например, в Татиане сочетание глагола *gangan* с наречием *hina* наряду со значением удаления получает грамматическое значение предельности: „*erstantet inti games hina*“ – „*Встаньте и уйдём отсюда*“ (Tatianus, 166, 4). Во-вторых, подобные словосочетания служили передаче значения «прекращения жизни человека», т.е. прекращение жизни рассматривалось как «уход, удаление от окружающих». Такое употребление сочетаний глагола *gangan* с наречием *hina* имеется у Ноткера, ср.: „*Neget hina in die altun stahta sinero forderon*“ – „*Не уйдёт он в жилище отцов своих (к праотцам)*“ (Notker, 188, 16).

Смысловая структура глаголов движения способствовала их широкой лексической сочетаемости, которая, в свою очередь, служила конкретизации значения. Частным случаем такой конкретизации и явилась возможность передавать значение «прекращение жизни человека». Позднее, вследствие отмирания в немецком языке падежей с конкретным (наглядным), в основе локальным значением, которое связано с превращением наречий места и образованных от них предлогов в глагольные приставки, появляются глаголы, которые с точки зрения их генезиса, следует рассматривать как устойчивые сочетания глаголов с наречными частицами. Последние, создавая определенные отношения (локальные), выступают в качестве уточнителя глагольного действия. В результате в немецком языке появляется ряд синонимов со значением «прекращение жизни человека»: *umkommen*, *hingehen*, *heimgehen*, *heimfahren*, *davongehen* etc. Всего для формирования данного значения было выявлено девять приставок: *davon-*, *aus-*, *ver-*, *ab-*, *weg-*, *heim-*, *hin-*, *dahin-*, *hinüber-*, являвшихся ранее предлогами и наречиями места. Одна из названных приставок, приставка *ver-*, - неотделяемая, она передает утраченный отложительный падеж. Но из первоначального вещественного значения этой приставки, утраченного благодаря смысловому объединению с глаголом, развивается побочное грамматическое значение завершения действия, т.е. «прекращения жизни», ср.: *gehen* – *vergehen*, а также *scheiden* – *verscheiden*. Отделяемые приставки сохраняют свою самостоятельность – в древневерхненемецком и средневерхненемецком они пишутся отдельно от глагола. Причём, каждая из этих приставок привносит свое особое значение в понятие «прекращение жизни человека»: *прочь*, *домой*, *туда*, *отсюда*, *от живых*, *на ту сторону*. Ср: *weggehen*, *heimgehen*, *abgehen*, *abscheiden*, *abfahren*, *heimfahren* (с утраченным винительным места) и *hingehen*, *dahingehen*, *hinscheiden*, *dahinscheiden*, *dahinfahren*, *hinübergehen* (с

утраченными отложительным и винительным места). В результате в семантике этих глаголов становится более конкретной, и глаголы приобретают новый, христианский, смысл.

В древности сформировалось также понимание прекращения жизни человека как уход от людей, его окружающих, когда существовало понятие о том, что умерший (душа покойного) уходит в страну духов [2, с.40–41]. В III веке в результате миссионерской деятельности епископа Вульфилы и перевода им на готский язык Библии происходит обращение древних германцев (вестготов) в христианство. В этот период распространения христианства среди германских племен, и прежде всего среди готов, культурно-исторический смысл «уйти в страну духов» трансформируется в христианское понимание вечно устроенного начального основания мира – праведники идут в рай, а грешники – в ад. См. у Ноткера: „*Scamed uuerden unde in hella faran die ubelen<...>*” – „*Посрамятся нечестивые и отправятся навеки в ад <чтобы мучиться и погибнуть>*” (Notker, II, 100,29).

Исходя из древних религиозных представлений о мироздании и сути человека, а именно, на основе дихотомии „души“ и „тела“, движение и деятельность человека первобытный человек приписывал воле „человека внутри человека“, и этот „человек внутри человека“ есть „душа“, отсутствием этой „души“ древний человек объяснял успокоение человека во сне или в смерти; „сон или транс представляют собой временное, а смерть – постоянное отсутствие души“ [2, с.175]. В этот период появляются такие выражения со значением «прекращение жизни человека», как ‘уснуть навеки’, ‘уснуть вечным сном’ – нем.: ‘entschlafen’ и ‘einschlafen’, а также ‘исчлустить дух’ – нем.: ‘die/seine Seele aushauchen/verhauchen’, ‘den/seinen Geist aushauchen/verhauchen’.

Следует отметить, что немецкие существительные *die Seele* и *der Geist* по своей этимологии не являются словами родственными и несут в себе исторически совершенно разные понятия. По представлению древних германцев души не рожденных и умерших людей жили в воде. Немецкое слово ‘*Seele*’ («душа») по всей вероятности является производным от ‘*See*’ („море“) - ср. *Seele*: средневерхненемецкое *sēle*, древневерхненемецкое *sē|u|fla*, готское *saiwala*; средневерхненемецкое *sē*, древневерхненемецкое *sē(o)*, готское *saiws*, основным значением которого было „*принадлежащий морю*“. Возможно, древние германцы, как и другие древние люди, считали, что люди умирают при отливе. С существительным *Geist* словосочетания с данным понятийным содержанием в немецком языке появились позже – в период обращения древних германских племен в христианство (3 век). Первоначально западногерманское слово *Geist* имело иное значение.

Средневерхненемецкое и древневерхненемецкое слово *geist* относится к общему корню **gheis* – («*erregt, aufgebracht sein*», „*schauern*“ – «быть возбужденным, рассерженным», «содрогаться, ужасаться»). Его этимология восходит не только к готскому *us-gaisjan* („*erschrecken*“ – „испугать(ся)“), но и выходит за рамки германских языков, а именно, обнаруживает связь с другими индоевропейскими языками, напр. ср. с древнеперсидским *zaesa* («*schauerhaft*» – „ужасный, жуткий“). На понятийные преобразования существительного *Geist* определенное воздействие оказали слова *spiritus* (из латинского) и *пнеума* (из греческого). В результате распространения идей христианства через перевод Библии значение немецкого слова *Geist* трансформируется, приобретая антропологический смысл, ср.: в латинском *spiritus sanctus* и в немецком *Heiliger Geist* [3].

Христианство основывается на признании присутствия бога в истории, познании смерти и воскресении Христа. «Познание представляет собой живую и динамичную категорию. Оно начинается с осознания покоя и спасения и достигает своей высшей степени в созерцании Бога и единении с Богом» [4, с. 20] (перевод наш). В этой связи отметим также словосочетания как: *in die Ewigkeit eingehen, in die Ewigkeit abberufen werden*, а также *die ewige Seligkeit erlangen*, в которых не глагол, а имя (*die Ewigkeit, die ewige Seligkeit*) несет главную семантическую нагрузку. Глагол же как «самая гибкая, сложная и емкая категория слов, семантически и грамматически богато структурированных» [5, с.126] обеспечивает в данных языковых структурах построение (формирование) конкретного акта мысли (речи) – единения с Богом.

Ср. также: *Gott hat ihn (aus diesem Leben, in die Ewigkeit) abberufen*.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что зародившееся в I веке христианство внесло существенные изменения в понимание человечеством жизни и прекращения жизни человека на земле. Имевшие место в древних языках культурно-исторические смыслы трансформируются и получают религиозное, христианское вдохновение. Появляются новые – христианские – смыслы понимания мироздания и жизнестроения, что нашло своё отражение в языковых структурах немецкого языка. Не умаляя роли имени существительного в коммуникации, глагол, будучи семантически и грамматически богато структурированным, обеспечивает построение форм выражения христианских экзистенциальных структур в словарном фонде немецкого языка.

Список литературы

1. Жирмунский, В.М. История немецкого языка / М.В. Жирмунский. – 5-е изд. – М. : Высшая школа, 1965. – 300 с.
2. Фрэзер, Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. / Д.Д. Фрэзер Перевод с английского М.К. Рыклина. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1986. – 832 с.
3. Duden Das Herkunftswörterbuch: Eine Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim, 1963.
4. Galitis, G. Glauben aus dem Herzen. – München, 1994.
5. Копанев, П.И. Теория и практика письменного перевода. Перевод с немецкого языка на русский учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз.: в 2 ч. / П.И. Копанев, Ф Беер ; – Минск: Высшая школа, 1986. – Ч.1. – 270 с.

Источники примеров

1. Tatianus. Tatian. – Padeborn, 1892.
2. Otfried von Weissenburg. Otfrids Evangeliensbuch. Hrsg. von P.Piper. – Freiburg, 1882-1887.
3. Notker, L. Die Schriften Notkers und seiner Schule. Hrsg. von P.Piper -Freiburg, Tübingen, Mohr, 1883.

УМЕСТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕОНТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНЫХ СФЕРАХ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.А. Куркович

The article deals with the specific character of deontic meaning manifestation of possibility and necessity in scientific, publicistic and literary styles in the Belarusian and English languages.

Употребление языка говорящим происходит в определенном социокультурном контексте, факторы которого влияют на отбор и организацию языковых средств, создавая тем самым уместность или неуместность их функционирования. К основным таким факторам относятся: сфера общения (наука, область общественных отношений, искусство и т.п.), характерная для каждой из них форма мышления (логико-понятийное, ценностно ориентированное, эмоционально-образное), тип содержания (отражающий связи объективного мира, социальной действительности или вымысел автора), а также целевая направленность текста (воздействие на разум читателя, его волю или чувства) [4].

Интересным представляется рассмотреть, как указанные факторы влияют на языковое отражение таких категорий, как *возможно/невозможно, разрешено/запрещено, нормативно/ненормативно, целесообразно/*